

Посвящается Гэри

Список иллюстраций

- 1.1. Открытие свинцовых книг недалеко от Гранады.
- 1.2. Вид Марракеша в 1641 году.
- 1.3. Портрет друга Ахмада аль-Хаджари Томаса Эрпения (1584–1624).
- 1.4. Письмо Ахмада аль-Хаджари Томасу Эрпению, 1624 год.
- 3.1. Стихотворение «La blanca paloma» Ахмада аль-Хаджари на арабском и испанском языках.
- 4.1. Свинцовая книга. Гравюра Франсиско Хейлана (ок. 1584 — ок. 1635).
- 4.2. Последняя страница рукописи «*Ар-Рисаля аз-Закутийя*» («Послание Закута»).
- 4.3. Небесные и земные глобусы Молинье.
- 4.4. Так называемый кубок Хосрова.
- 5.1. Письмо Ахмада аль-Хаджари Якобу Голиусу от 2 февраля 1624 года.
- 5.2. Страница рукописи «Муста'ини» Ибн Баклариша, переписанная Ахмадом аль-Хаджари.
- 5.3. Карта местонахождения Айера, предположительно составленная Якобом Голиусом.
- 6.1. Страница рукописи «Китаб аль-'изз» Ибрахима Ганима, переведенная на арабский язык Ахмадом аль-Хаджари.
- 6.2. Первая страница оглавления «Китаб аль-'изз».
- 6.3. Рукопись «Китаб аль-'изз»; зажигательные устройства, бросаемые вручную.
- 6.4. Последняя страница рукописи «Китаб аль-'изз», где указан факт создания редакции Мухаммада Худжа, сына Ахмада аль-Хаджари.

Благодарности

Мои размышления о мире раннего Нового Времени¹ и его научных связях сформировались в ходе бесед со многими людьми, и я с удовольствием хочу выразить им признательность. Я выражаю свою благодарность коллегам по «Средиземноморскому семинару», которые создали уникальную площадку для обмена знаниями и идеями, а также для обсуждения взаимосвязей регионов и культур с разных точек зрения. Я представляла фрагменты своего исследования, которые в итоге сложились в эту книгу, на нескольких ежеквартальных семинарах. В связи с этим я выражаю огромную благодарность соруководителям Брайану Катлосу и Шэрон Киношита. Большую пользу принесли обсуждения и выступления других семинаристов, включая Фреда Астрена, Мухаммада Баллана, Кристин Чизм, Джона Дагене, Эндрю Деверо, Даниэля Гулло, Серхио Лапорта, Тоби Льяна, Карлу Маллетт, Игнасио Наверетт, Карен Пинто, Нурию Сильерас-Фернандес, Дэвида Уокса, Джошуа Уайта и Фарибу Заринебаф. Я также благодарна коллегам из группы по изучению Магриба Калифорнийского университета под руководством Камило Гомеса-Риваса, которые позволили мне обсудить части этой книги с Карлой Фреккери, Эмили Готтфрид и Сьюзен Гилсон Миллер.

Научное сообщество Калифорнийского университета в Сан-Диего всегда оказывало мне поддержку и вовлекалось в мою работу, иногда в рамках нашей динамичной Группы исследований раннего Нового времени (*англ.* Group of Early Modern Studies — GEMS), а иногда и в менее официальных форматах. В обоих этих

¹ Период всемирной истории, начинающийся с окончанием Средневековья. — *Прим. пер.*

форматах за эти годы состоялось множество плодотворных бесед с Джоди Бланко, Лизой Картрайт, Пейджем Дюбуа, Фатимой ат-Тайеб, Стефани Джед, Сарой Джонсон, Тоддом Контье, Лизой Ламперт-Вайссиг, Джин-Кен Ли, Лизой Лоу, Сэлом Николаццо, Джимом Раухом, Родди Ридом, Дэниелом Виткусом и многими нашими замечательными студентами.

Я представляла части этой книги на многочисленных конференциях и коллоквиумах. Я очень благодарна Эдвиге Тамалет Талбаев и Тоби Викстрему, радушно принявшему меня в Тулейнском университете, а также Джонатану Хаддаду и Элизабет Райт, которые пригласили меня представить свою работу в серии мероприятий под названием «Южные стратегии ранних современных империй» и встретиться с их замечательными студентами в Университете Джорджии в Афинах. Полезными для меня также оказались выступления многих коллег на съездах Общества возрождения Америки, Ассоциации современного языка Америки (*англ.* Modern Language Association — MLA), Общества и конференции XVI века и других мероприятиях. Среди выступавших стоит отметить Джоселин Дахлию, Эрика Дюрстелера, Даниэля Хершензона, Мерседес Гарсию-Ареналь, Клэр Гилберт, Сета Киммела, Набиля Матара, Дэвида Ниренберга, Дуайта Рейнольдса, Фернандо Родригеса Медиано и Джерарда Вигерса.

Многие гранты, предоставленные Академическим сенатом Калифорнийского университета в Сан-Франциско, финансировали исследовательские поездки в библиотеки Европы и Марокко. Библиотекари во многих странах помогли мне получить доступ к документам и изображениям. Я благодарю архивариусов и библиотекарей Национальной библиотеки Испании, Национальной библиотеки Франции, библиотеки Болонского университета и Библиотеки Джона Райландса в Манчестерском университете. Я также благодарю Ахмада Шауки Бинебина и Сиди Мохаммеда аль-Идрисси из библиотеки Хасания в Рабате, Мухаммада Сгир Джанджара из Фонда короля Абд аль-Азиза в Касабланке, Барнаби Брайана из Мидл-Темпл в Лондоне, Ульрике Польницы из Австралийской национальной библиотеки в Вене, а также Рене Янссен из Национального архива Нидерлан-

дов в Гааге. Я благодарю замечательных редакторов издательства Калифорнийского университета Эрика Шмидта и Лизу Мур за их помощь и поддержку, а также рецензентов за их проницательные замечания и щедрость.

Многочисленные беседы с друзьями углубили мои мысли и расширили интеллектуальный кругозор больше, чем они думают. Спасибо Ахмеду Алами, Элизабет Арнульд-Блумфилд, Али Бенмахлуфу, Дорис Биттар, Лизе Блум и Франсуазе Кантер.

Наконец, я хотела бы выразить глубочайшую благодарность Гэри Филдсу за его неизменную поддержку, энтузиазм по поводу моего проекта, его доброту и готовность поддержать меня, а также за все, что он привнес в мою жизнь.

Введение

В 1665 году богатый торговец из Руана Томас Лежандр написал мемуары о времени, проведенном им в Марокко в 1618–1625 годах. Свой текст он опубликовал анонимно в 1670 году, вероятно, по просьбе торговцев, которым нужна была информация о регионе для создания торгового общества в Марокко. Среди прочих в мемуарах было зафиксировано одно значительное событие: аудиенция эмиссаров, посланных правительством Голландской республики, у султана династии Саадитов¹ Мулай Зайдана (ум. 1627):

В 1622 году посол Генеральных штатов², оруженосец принца Оранского и ученик профессора восточных и иностранных языков в Лейдене Эрпенин, прибыли в Марракеш с подарками, которые очень понравились султану Зайдану, особенно атлас и «Новый Завет» на арабском языке; и евнухи сказали нам, что правитель не перестанет читать подаренную книгу. Поскольку посол был раздражен тем, что ему не разрешили уехать, ему посоветовали представить королю прошение на арабском языке и в христианской манере, написанное рукой Голиуса, ученика Эрпенина. Султан был потрясен красотой просьбы, почерком и языком, а также непривычным для страны стилем написания. Он сразу же позвал своих *талипов*, или секретарей, и показал им прошение, которое вызвало у них восхищение. Он потребовал посла и спросил его, кто написал письмо. Тот ответил, что это был Голиус, ученик, посланный Эрпением. Султан по-

¹ Семья ас-Саади (ар. السعدي). — Прим. пер.

² Генеральные штаты Нидерландов (*нидерл.* Staten-Generaal) — ассамблея провинций Нидерландов.

просил о встрече с Голиусом и заговорил с ним по-арабски. На испанском языке ученик ответил, что он очень хорошо понимает все, что говорит ему Его Величество, но он не может ответить ему на том же языке, потому что его горло не подвластно ему так, как человеку, способному владеть своим горлом ровно так же, как и языком³. Султану, который хорошо понимал испанский, понравился его ответ. Он благосклонно отреагировал на просьбу и дал послу разрешение вернуться. Сейчас Голиус работает в Лейдене в качестве профессора восточных и иностранных языков вместо умершего Эрпени⁴.

Согласно Лежандру, этот забавный случай представляет собой встречу ислама и христианства, Востока и Запада, а также встречу знания и власти, в которой участвуют три главных героя: профессор восточных языков в Лейденском университете с 1613 года Томас Эрпени (1584–1624); его ученик Якоб Голиус (1596–1667), сопровождавший голландское посольство в Марокко с 1622 по 1624 год и сменивший своего наставника на посту заведующего кафедрой восточных языков⁵; и султан Мулай Зайдан, сыгравший роль восхищенного зрителя достижений Голиуса как переводчика и остроумца. Однако любопытно, что в истории Лежандра отсутствует четвертый герой, тесно связанный с тремя другими, который играл важную роль в обмене знаний между арабскими странами и Европой в раннее Новое время, — мусульманин-полиглот Ахмад бен-Касим аль-Хаджари⁶.

³ Возможно, имеется в виду особенность некоторых звуков арабского языка, для произношения которых требуется задействовать полость рта и горла. — *Прим. пер.*

⁴ Оригинал отрывка см. в «Les sources inédites de l'histoire du Maroc», 1911, р. 731–732 («Неопубликованные источники по истории Марокко», 1911 год, с. 731–732).

⁵ Об Эрпени и Голиусе см. [Vrolijk, van Leeuwen 2014: 31–48].

⁶ Как будет показано ниже, существуют другие вариации его имен, как и у многих других арабских деятелей досовременного периода. В этой книге мы будем придерживаться научной традиции и называть его Ахмад ибн Касим аль-Хаджари, сокращенно аль-Хаджари.

Рожденный в Испании, аль-Хаджари был активным посредником между Европой и Северной Африкой. Он занимался переводом дипломатических, религиозных и научных текстов с арабского на испанский и наоборот. Также аль-Хаджари был выдающимся писателем, создавшим длинные автобиографические тексты. В Марокко, Тунисе, Египте и Европе он поддерживал связи с известными и влиятельными учеными, включая Эрпения, с которым он познакомился в Париже в 1611 году. Он преподавал арабский язык Эрпению и его ученику Голиусу, который связался с аль-Хаджари по совету наставника. Биография аль-Хаджари свидетельствует о плотной системе связей, в которой знания и информация циркулировали между регионами в обоих направлениях. Он был важной фигурой в этом тонком и многонаправленном течении, которое включало изучение европейскими учеными исламской и западноазиатской культуры и языков, известное как ориентализм. Такие авторы, как Томас Лежандр, слишком часто умалчивали о сети ученых за пределами Европы, которые сделали эту науку возможной. Книга «По ту сторону ориентализма» дает корректировку источников, исследуя эти сети, не ограничиваясь европейскими ориенталистами, и сосредоточивает внимание на жизни и карьере аль-Хаджари.

Европейский ориентализм: восприятие и методы

Лежандр, по всей вероятности, столкнулся с аль-Хаджари в период своего пребывания в Марракеше, и, возможно, даже принял его за одного из секретарей, которым султан показывал письмо Голиуса, написанное на арабском. Однако торговец из Руана, писавший о своем путешествии в Марокко, не считал, что его читателям будет интересно узнать об аль-Хаджари и других местных ученых. Вместо этого он обрисовал ориентализм как чисто европейский проект, отделенный от методов и структуры, которые вошли в его основу. Лежандр знал, что после его марокканской миссии Голиус стал выдающимся ученым, известным среди образованных европейцев как специалист по восточным языкам. Престиж ориентализма как области знания был доста-

точно высок даже среди торговых сообществ, что позволило Лежандру включить в свои мемуары историю, рассказанную в начале этого введения. Этот случай распространился за пределы мемуаров и попал в анналы европейской науки. Согласно сведениям, приведенным в исследовании одного библиотекаря в 1675 году, этот случай был включен в статьи, посвященные Голиусу, которые вошли в новые издания широко читаемых энциклопедий, включая «Большой исторический словарь» Луи Морери и «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля [Colomiès 1675: 75–78]. Такое широкое распространение предполагает, что эта история о встрече европейского ученого с марокканским султаном нашла отклик у современных читателей.

Этот богатый источник дает интересную информацию о восприятии ориенталистских знаний европейцами во второй половине XVII века, включая его изменения из-за стирания имени аль-Хаджари из источников. Примечательно, что из всех членов голландской миссии Лежандр упомянул только Голиуса. Без внимания он оставил даже посла Альберта Руйля, а также сквайра принца Оранского и штатгальтера⁷ голландских провинций Морица Нассауского Питера ван Несте (1567–1625). Напротив, Эрпений, который не был частью делегации, был упомянут в рукописи по имени. Очевидно, что для Лежандра обе встречи произошли одновременно: беседа с султаном оставшихся анонимами Руйля и ван Несте, которые представляли голландское государство, померкла по сравнению с другой встречей. В центре повествования записей Лежандра находится аудиенция Голиуса при дворе Мулая Зайдана. Голиус был представлен автором не просто как помощник посла, а в качестве посланника, отправленного его наставником Эрпением. От имени последнего он предложил султану две книги, включая арабский перевод «Нового Завета», опубликованный Эрпением в Лейдене в 1616 году. Лежандр рисует Эрпения как обладателя своего рода власти,

⁷ Штатгальтер (нем. «наместник») — должностное лицо, осуществлявшее государственную власть и управление на какой-либо территории государства. — *Прим. пер.*

которая позволяла ему обращаться к монарху как к равному, подобно членам Генеральных Штатов. Главной встречей принято считать не ту, что произошла между двумя политическими образованиями (королевством ас-Саади и Нидерландами). В центр стоит поставить знакомство султана с совершенно другим типом власти — не политической, а интеллектуальной: европейской Республикой ученых⁸. Так назывались ранние современные группы европейских писателей и мыслителей, чья переписка продвигала науку и выходила за рамки национальных и даже религиозных границ. В рамках этой встречи Европа, благодаря ученому Голиусу, смогла продемонстрировать свое глубокое познание иностранной культуры. Его арабское послание вызвало удивление и восхищение султана и его окружения, состоящего из профессиональных писцов и секретарей. Во время аудиенции при дворе Голиус даже смог обратить свое неумение говорить на языке султана себе на пользу, когда нашел умный способ оправдать этот недостаток. Неудивительно, что другие члены Республики ученых прониклись этой историей. Она способствовала созданию лестного образа их собственного величия как интеллектуалов и как европейцев, которые могли освоить знания о других культурах. На фоне этого роль аль-Хаджари или любого местного ученого в построении ориенталистского знания лучше было бы оставить без упоминания.

В общих чертах, история Томаса Лежандра является подтверждением знаменитого определения науки ориентализма, данного Эдвардом Саидом [Саид 2006]. Она показывает, как европейцы стремились овладеть восточным «чужим», в то время как политическая работа ориенталиста была скрыта за идеологической фантазией о Республике ученых, которая вышла за рамки политики. Изображение марокканцев как пассивных поклонников достижений Голиуса является яркой чертой рукописи Лежандра, что помещает ее в еще не законченную генеалогию; «ловушку,

⁸ Республика ученых (*лат.* *Respublica literaria* или *фр.* *République des Lettres*) — наднациональное объединение ученых, существовавшее в эпоху Ренессанса и Просвещения. — *Прим. пер.*

которая все еще преследует многих историков ранних современных столкновений: приписывание всей инициативы в вопросах наведения мостов исключительно европейским агентам» [Subrahmanyan 2012: 30]. Книга «По ту сторону ориентализма» утверждает, что эта ловушка помешала нашему пониманию раннего современного европейского ориентализма. Это исследование рассматривает более широкий взгляд и показывает, что европейцы были не единственными агентами в построении этой области знания. Многие субъекты мусульманских политий сыграли решающую роль в его развитии. Учет их вклада открывает дверь к более глубокому пониманию этой области и, в более широком смысле, истории культурного, научного и технологического взаимодействия между Европой и ее мусульманскими соседями. История аль-Хаджари с точки зрения его сочинений, его работы при дворе и его политических и интеллектуальных контактов точно иллюстрирует, как поток знаний, власти и дипломатии, включая ориентализм, циркулировал в перекрестных течениях.

Его подрыв значимости места, в котором произошел упомянутый выше забавный случай, в значительной степени определяет значение европейского ориентализма в рассказе Лежандра. Для него Марокко выступает не как источник инструментов и информации, необходимых для совершенствования понимания чужой культуры, а как сцена, на которой европейский ученый демонстрирует свою образованность и знание арабского языка. Такая подача игнорирует тот факт, что во время пребывания в Марокко Голиус был занят расширением своих знаний об арабской культуре и языке, а также поиском рукописей для завершения своей коллекции, которая впоследствии стала очень известной среди европейских ученых. Рукопись также скрывает тот факт, что на практике голландский ученый нуждался в активном вкладе местных ученых, включая аль-Хаджари. А главное, их сотрудничество было плодотворным не только для Голиуса, но и для интеллектуальных стремлений аль-Хаджари. Документы раскрывают сложный обмен между учеными, в процессе которого аль-Хаджари выступал соратником и информатором Го-

лиуса, а последний в свою очередь мог выполнять такие же функции для аль-Хаджари.

Столь же примечательным является и другой факт, скрытый Лежандром. Официально Голиус выступал в голландском посольстве не как переводчик, а как инженер. Его работа в качестве переводчика арабского (например, перевод запроса Руйля, адресованного Мулаю Зайдану) была второстепенной. Хотя он, несомненно, добивался этого назначения в качестве члена голландского посольства, чтобы продолжить свои исследования арабской культуры, официальная причина его участия не была связана с академической деятельностью. Миссия в Марокко была связана с неудачным планом султана построить порт на атлантическом побережье своей страны, для чего он заручился поддержкой и помощью своих голландских союзников. Голиус, будучи крайне важной фигурой в этом проекте, написал заключительный отчет в Гааге 24 июля 1624 года, подробно описав причины, по которым предприятие Мулая Зайдана было невыполнимым [SIHM 1912]. Читатели отчета Томаса Лежандра ничего об этом не знали. Филология и наука были тесно связаны друг с другом в карьере Голиуса, который стал профессором математики в Лейденском университете в 1629 году (после того как занял кафедру восточных языков в 1625 году). Его интерес к арабскому языку изначально возник из его математических исследований, поскольку он хотел прочесть некоторые греческие тексты, которые сохранились только в арабском переводе, и изучить вклад ученых, писавших на арабском языке. Случай Голиуса является примером того, что строгое различие между наукой и филологией, которое являлось привычным для XIX века, было более прозрачным в раннее Новое время [Dijksterhuis 2012: 73–92]. В целом рассказ Лежандра умалчивает о связи Голиуса с местными учеными, а также о смешении гуманитарных и естественных наук в его карьере. Эти два неупомянутых факта пересекаются друг с другом. Аль-Хаджари сам был очень вовлечен в науку и развитие технологий, не только из личного интереса, но и в качестве переводчика для Мулая Зайдана. Его вовлеченность в эту область пережила его карьеру в Марокко, и в последние годы он создал

важную работу — арабский перевод испанского трактата об артиллерийском деле, написанного другим изгнанником из Испании Ибрагимом Ганимом, который отвечал за оборону порта Туниса.

Изучение и понимание ориентализма в последующие столетия в значительной степени поддерживали умалчивание фактов в отчете Лежандра. Эта область по-прежнему понималась как гуманистическая дисциплина, в основном состоящая из литературных представлений и филологических исследований, лишенная своих научных и технологических измерений. Что касается многих лиц из стран Северной Африки и Ближнего Востока, которые внесли свой вклад в эту область, их участие было сведено к роли теневых информаторов. Такой подход к ориентализму исключает полное прослеживание практик, посредством которых эта наука развивалась. Сопоставление этих практик было необходимо для полного понимания этого предмета.

Средиземноморье как посредник в ориентализме и за его пределами

Раскрывая то, что было скрыто в документах, подобных отчету Лежандра, «По ту сторону ориентализма» стремится изменить наше понимание ранних современных культурных связей между Европой и ее мусульманскими соседями. Данное исследование анализирует деятельность ученых, которые пересматривают отношения между исламом и христианским миром в раннее Новое время и переосмысливают эти взаимодействия в контексте устойчивых связей, несмотря на политические и конфессиональные антагонизмы, которые часто подпитывали враждебность или насилие. Исследования стран Средиземноморья значительно изменились за последние десятилетия⁹. Спор между раздвоенной моделью, основанной на бинарностях Востока и Запада, ислама и христианского мира с одной стороны, и более унитарным

⁹ См. информативный обзор в [Dursteler 2011: 413–434]. См. также [Catlos, Kinoshita 2017].

представлением, подчеркивающим общности и взаимодействия, с другой, продолжается уже долгое время. В последнее время более тонкий подход отдает предпочтение изучению сетей и моделей взаимосвязи, способствуя комплексному изучению Средиземноморья посредством пристального внимания к практикам и механизмам связей между различными регионами и стремясь, не отрицая разнообразия, исследовать формы общности. Эта парадигма особенно продвинулась вперед благодаря большему осознанию присутствия в Европе раннего Нового времени «мусульманских рабов, наемников, торговцев, дипломатов, путешественников и ученых» [Krstic 2015b: 20; Matar 2005a].

Настоящее исследование придерживается этой тенденции, принимая в качестве отправной точки культурную формацию, называемую ориентализмом. Прежде чем идти дальше, необходимо дать некоторые разъяснения относительно терминов «ориентализм» и «ориенталист». В этой книге они будут иметь определенный смысл, который Эдвард Саид описал как «академическое определение ориентализма», в рамках которого «всякий, кто преподает Восток, пишет о нем или исследует его <...> оканчивается ориенталистом» [Саид 2006: 9]. Несмотря на то что такое определение принималось «легче всего», когда Саид впервые опубликовал свою книгу в 1978 году, сегодня это обозначение в основном заменено его новыми определениями¹⁰. В данном исследовании ориентализм будет пониматься в его первоначальном смысле, который Саид определил в качестве общепринятого. Однако следует предупредить о том, что термины «ориентализм» и «ориенталист» в этих значениях не использовались ни в английском, ни во французском языках до самого конца XVIII или начала XIX века (хотя выражение «восточные языки» тогда суще-

¹⁰ Новые определения представляют ориентализм как «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различении Востока и (почти всегда) Запада», который «вмещает в себя, скажем, Эсхила и Виктора Гюго, Данте и Карла Маркса». Известно, что Саид описывает ориентализм, который, по его мнению, начал развиваться примерно в конце XVIII века, как «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» [Саид 2006: 9–10].

ствовало). Поскольку эта книга будет посвящена в основном культурной истории середины — конца XVII века, методы или ученые, которые будут упоминаться в качестве «ориентализма» или «ориенталистов» соответственно, не воспринимались современниками в категории этих терминов. Тем не менее эти слова используются в книге ради удобства. Кроме того, этот досовременный ориентализм, или востоковедение, также можно считать «преддисциплинарным», отмеченным «независимыми и своеобразными усилиями отдельных ученых в определенных направлениях исследований» [Miller 2015: 60]. Арабский и другие восточные языки преподавались в нескольких европейских университетах и входили в программы публикаций, часто в качестве помощи в библейских исследованиях или миссионерских усилиях. Однако бóльшая часть работы в этой области все еще проходила менее структурированным образом. Она в значительной степени развивалась посредством встреч, случайных или преднамеренных, между европейцами и жителями арабских и османских земель. Обмен между Голиусом и аль-Хаджари является лишь одним из примеров таких встреч. Будучи далеко не уникальным событием, эта встреча произошла в более широком горизонте динамики и посредничества, которые сделали возможным процесс изучения ориентализма.

Многие люди, происходящие из восточных культур, долгое время вычеркнутые по большей части из истории европейского ориентализма в источниках, подобных отчету Лежандра, сегодня являются более известными. Однако еще предстоит проделать большую работу, чтобы понять и проанализировать их вклад, а также отследить, как их роль должна изменить способ понимания самой области изучения. Главный герой этой книги, Ахмад аль-Хаджари, является идеальным посредником и проводником для изучения сетей культурного и научного обмена в раннем современном средиземноморском мире. Благодаря тщательному изучению его жизни, карьеры и деятельности это исследование смогло отследить влияние аль-Хаджари и многих других ученых из Северной Африки и Ближнего Востока на их европейских коллег и развитие раннего современ-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru